

Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития

Д.В. Стрельцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье проанализированы долгосрочные факторы внешнего и внутреннего характера, определяющие ход развития российско-японских отношений в 2019-2020 гг. С одной стороны, антироссийскую компоненту во внешнеполитическом курсе Токио определяют участие страны в Договоре безопасности с США и её солидарность с позицией «Большой семёрки» в проведении антироссийских санкций. С другой стороны, Япония и Россия проявляют заинтересованность в укреплении политического взаимодействия в деле создания многосторонних диалоговых механизмов по вопросам обеспечения международной безопасности в Восточной Азии, урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, ослабления напряжённости вокруг территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В числе экономических факторов автор концентрирует своё внимание на важной роли России в контексте стоящей перед Японией задачи диверсификации источников внешних поставок энергоресурсов, а также на стремлении России избежать односторонней зависимости от китайского рынка при переориентации системы внешнеэкономических связей с Запада на Восток. Немалую роль в отношениях России и Японии играет личностная дипломатия политических лидеров, и прежде всего тесные личные взаимоотношения и частые встречи премьер-министра Абэ и президента Путина, которые позволяют отчасти компенсировать неблагоприятный имидж страны-партнёра в общественном мнении обеих стран.

В связи с наметившимся в 2019 г. кризисом в переговорах по мирному договору на повестку дня выходит поиск выхода из дипломатического тупика. По мнению автора, целесообразно было бы на первом этапе вести дело к заключению базового договора об основах взаимоотношений, который был бы «отвязан» от мирного договора. Кроме того, Россия могла бы воздержаться от критики Японии за её политику в сфере безопасности и проявить большее понимание в отношении японской инициативы в области качественной инфраструктуры. В свою очередь, Япония могла бы принять ряд стратегических решений по сотрудничеству с Россией и озвучить их в программном выступлении премьер-министра. Кроме того, Токио мог бы перестать позиционировать вопрос мирного договора в качестве главного и основного в отношениях с Россией, что позволило бы нашим странам «отвязать» двусторонние отношения от проблемы пограничного размежевания и сосредоточиться на их позитивной повестке.

С осени 2018 г. российско-японские отношения находятся на подъёме. Об этом свидетельствуют регулярные встречи лидеров двух стран, общее число которых

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 20.12.2019 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

приблизилось к трём десяткам, продолжающийся диалог по мирному договору, активные консультации по вопросам безопасности с участием чиновников самого высокого ранга, оживление экономического сотрудничества, активизация культурных связей в связи с проведением перекрёстных годов. Несмотря на формальное присоединение Японии к антироссийским санкциям Запада в связи с событиями на Украине, японские санкции в отношении России подчёркнуто более мягкие и не являются существенным тормозом на пути развития сотрудничества двух стран. Отношения с Японией явно выделяются в лучшую сторону среди отношений России с прочими странами «Большой семёрки», которые в полной мере не восстановились после кризиса 2014 г.

Ключевые слова: Российско-японские отношения, Договор безопасности, американское военное присутствие, подъём Китая, личностная дипломатия, образ страны, мирный договор, концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», итоги Второй мировой войны

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы проанализировать долгосрочные факторы внешнего и внутреннего характера, определяющие ход развития российско-японских отношений, с учётом ситуации в 2019-2020 гг., вскрыть основные причины и попытаться дать оценку возможных путей их развития на ближайшую перспективу.

С одной стороны, антироссийскую компоненту во внешнеполитическом курсе Токио определяют участие страны в Договоре безопасности с США и её солидарность с позицией «Большой семёрки» в проведении антироссийских санкций. С другой стороны, Япония и Россия проявляют заинтересованность в укреплении политического взаимодействия в деле создания многосторонних диалоговых механизмов по вопросам обеспечения международной безопасности в Восточной Азии, урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, ослабления напряжённости вокруг территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Международно-политические факторы

При подходе к двусторонним отношениям следует учесть, что место страны-партнёра на шкале внешнеполитических интересов каждой из сторон существенно различается. Если говорить о Японии, среди наиболее значимых факторов, определяющих её подход к России, на первое место выходят интересы страны в контексте её отношений с США и Китаем.

Фактор США проявляется в политике Японии по отношению к России двояко. С одной стороны, военно-политический союз с Вашингтоном с течением времени приобретает для Токио всё большую актуальность в свете вызовов и угроз в области военной безопасности, и прежде всего связанных с ядерной

программой Пхеньяна и возможностью военного решения Пекином проблемы Сэнкаку. Япония в этом смысле не только не ослабила, но и усилила свою стратегическую зависимость от США и поэтому вынуждена действовать на российском направлении с ещё большей оглядкой на Америку.

Токио приходится считаться и с консолидированной позицией «Большой семёрки» по отношению к России, принимая общие правила игры, включая те, что касаются санкционной политики. Следует учесть, однако, что решение Японии об участии в санкциях, особенно связанных с крымскими событиями, было принято не только по причине солидарности с Западом, но и в контексте её специфических интересов в Восточной Азии. Япония озабочена напористой политикой Китая по территориальным спорам с соседями, а именно – его претензиями к Японии по поводу островов Сэнкаку/Дьяоюйдао и к другим странам-соседям из-за островных территорий в Южно-Китайском море. Полный нейтралитет Японии по проблеме Крыма, как считают многие в Токио, стал бы сигналом для международного сообщества, что Япония не выступает против перекройки межгосударственных границ. Например, японский эксперт Я. Идзумикава отмечал, что Японии трудно относиться к действиям России на Украине как к «пожару на далеком берегу», когда Япония пытается заручиться поддержкой международного сообщества, в частности, европейцев, чтобы противостоять поведению Китая в Южно-Китайском море (Izumikawa 2016: 67).

С другой стороны, на позицию Японии своё воздействие оказывают подвижки в японо-американских отношениях, связанные с приходом в 2016 г. к власти администрации Трампа. Неоднократные заявления Трампа о том, что азиатские союзники должны больше заботиться о собственной безопасности, породили в Японии алармистские настроения по поводу действенности гарантий безопасности США в рамках договора. Дополнительным источником беспокойства становятся и попытки Вашингтона заставить Токио вносить существенно больший финансовый вклад в поддержание американского военного присутствия в стране, вызывающие трения в двусторонних отношениях. Например, в июле 2019 г. советник президента США по безопасности Дж. Болтон озвучил в ходе визита в Японию требование увеличить этот вклад, составляющий ныне около 1,8 млрд долл. США в год, сразу в пять раз, что вызвало крайне негативную реакцию японской стороны¹.

Неоднозначно можно оценить и фактор американо-китайского соперничества, как в торгово-экономической, так и в военно-политической сфере. По мере обострения этого соперничества Россия, выступающая стратегическим союзником Китая, по логике вещей должна была бы становиться всё более непримиримым противником Японии, связанной с США узлами Договора безопасности. Вместе с тем отношения с Россией выступают для Японии естественным балансиром, пре-

¹ Washington asked Tokyo to pay five times as much per year for U.S. forces based in Japan. 2019. *The Japan Times*. 16.11. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/11/16/national/trump-wants-tokyo-quadruple-base-hosting-payments-8-billion-foreign-policy/#.Xjztw2gzYuW> (accessed 23.04.2020).

пятствующим нежелательному перекоосу её глобальных геополитических позиций в ту или иную сторону, например, в сторону излишней зависимости от США или чрезмерного уровня конфронтации с Китаем. При этом фактор «непредсказуемого Трампа» работает в пользу укрепления российского направления внешней политики Японии в том смысле, что сильные отношения с Россией выступают одновременно внешнеполитическим активом и дополнительной «страховкой» Токио на случай развития непредвиденной ситуации в регионе, когда уровня гарантий безопасности заокеанского союзника покажется ему недостаточным.

Россия не представляется Японии источником военной угрозы. Ещё с начала 1990-х гг. Россия перестала упоминаться в официальных документах Токио в качестве «угрозы», а с начала 2010-х гг. была проведена переориентация оборонного строительства на юго-западное направление, на котором расположены Китай и Северная Корея. В принятой в декабре 2013 г. Национальной стратегии в сфере безопасности говорится о том, что для Японии крайне важно «развивать сотрудничество с Россией во всех областях, включая безопасность и энергетику, тем самым укрепляя двусторонние отношения в целом, чтобы обеспечить свою безопасность»². И хотя после 2014 г. в «Белой книге по обороне» были обозначены риски для международного сообщества, связанные с ведением Россией «гибридной войны», Россия, тем не менее, не переместилась для Токио в категорию «военной угрозы», а акцент во взаимоотношениях с ней в сфере безопасности отчётливо усилился в направлении «сотрудничества» (Brown 2018: 865).

Укрепление политического диалога с Москвой диктуется и изменением стратегического баланса сил в регионе в пользу Китая, который в Японии воспринимается в качестве прямой угрозы национальной безопасности, особенно в условиях обострения японо-китайского соперничества за региональное лидерство. Как отмечали М. Мартынова и Г. Никипорец-Такигава, «Японией подъём Китая воспринимается как геополитический вызов, что подталкивает её к выстраиванию таких отношений с Россией, которые бы позволили создать баланс интересов в регионе» (Мартынова 2019: 319). В Токио опасаются не столько появления враждебного себе военно-политического союза между Москвой и Пекином, основанного на жёстких договорных обязательствах (нереалистичность такого сценария там не вызывает сомнений), сколько формирования эффективных механизмов внешнеполитической и военной координации России и Китая, потенциально направленных в том числе против интересов Японии. Например, Япония стремится к тому, чтобы военно-морское сотрудничество между Китаем и Россией, существующее в настоящее время на поверхностном уровне, не превратилось со временем в нечто более стратегически значимое³.

² *National Security Strategy*. December 17, 2013. P. 25. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/___icsFiles/afieldfile/2013/12/18/NSS.pdf (accessed 23.04.2020).

³ Brown J. 2019. Belt and Road the Japanese Way. How Russia Benefits from the Competition Between China and Japan in Asia. *Carnegie Moscow center*. 11.07. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79481> (accessed 23.04.2020).

Сохранение дружественной атмосферы в диалоге с Россией, исходя из этой логики, обеспечивает как минимум нейтральность России в случае обострения отношений между Японией и Китаем, например, по проблемам Восточно-Китайского моря. Другой важный мотив Токио – предотвращение качественного усиления мощи НОАК за счёт наращивания военно-технического сотрудничества Москвы и Пекина, которое воспринимается в Токио в качестве «ночного кошмара». Дополнительным аргументом для Токио в пользу активизации связей с Москвой выступает кризис в отношениях России с Западом, так как этот кризис объективно способствует укреплению российско-китайских стратегических связей.

К усилению диалога с Россией Японию толкает и общая неопределённость стратегической ситуации в Северо-Восточной Азии и АТР, которая существенно отличается от сложившейся на евроатлантическом пространстве. Если в Европе Россия выступает в первую очередь соперником и даже противником коллективного Запада, то в Восточной Азии для Токио на первый план нередко выходят её общие интересы с Москвой, основанные на понимании необходимости скорейшего разрешения региональных конфликтов и устранения источников угроз международной безопасности. Наиболее яркий пример – проблема денуклеаризации Корейского полуострова, ставшая для Японии источником постоянной головной боли и не имеющая видимых перспектив разрешения. В Токио надеются на посредническую роль Москвы, у которой имеются хорошие диалоговые каналы с Пхеньяном. Контакты должностных лиц двух стран показывают единство мнений и по иным насущным вопросам региональной безопасности: территориальные споры, угроза терроризма, киберпреступность, морское пиратство, защита морских биоресурсов и т.д.

Характерно, что особая позиция Японии по отношению к России в целом не встречает неприятия или неодобрения на Западе. По сравнению с периодом правления администрации Обамы, которая стремилась предотвратить сближение Токио с Москвой после «аннексии» Россией Крыма в 2014 г. и неоднократно выступала с соответствующими предостережениями в адрес Токио, администрация Трампа ни в коей мере «самостоятельной» политике Абэ на российском направлении не препятствует. Очевидно, усилия Абэ не вызывают раздражения и в европейских столицах, где исходят из того, что ситуация в Восточной Азии отличается от европейской, что дипломатическая изоляция России чревата новыми геополитическими рисками, связанными с перспективой дальнейшего сближения Москвы и Пекина на антизападной основе, и что хорошие отношения Японии с Россией способствуют региональной стабильности в АТР. На этом фоне со стороны западных партнёров Японии практически не слышно критики в её адрес в связи с проактивной дипломатией Абэ на российском направлении, с символическим характером её антироссийских санкций и вообще с относительной мягкостью её реакции на раздражители Запада по отношению России, например, в связи инцидентом с малазийским «Боингом» или «делом Скрипалей».

В свою очередь, внешнеполитические мотивы России при выстраивании отношений с Японией имеют иную природу. Российская политика в Восточной Азии по сути исходит из понимания ограниченности своих ресурсов в этом регионе и фактического признания лидерства здесь Китая. Очевидный стратегический приоритет Москвы в пользу отношений с Пекином проявляется в том, что она с «неодобрением» относится ко всем инициативам США и их союзников, направленных на сдерживание Китая, включая концепцию Индо-Тихоокеанского региона и идею «порядка, основанного на правилах» (Нелидов 2019: 71). Например, российский министр иностранных дел С.В. Лавров заявил в январе 2020 г., что концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», деструктивна и что ее цель – разделить страны региона на «группы по интересам»⁴.

Вступив после украинских событий 2014 г. в этап затяжной конфронтации с Западом и воспринимая США как своего потенциального военного противника, Россия видит в Японии страну, которая в геополитическом смысле находится с ней по разные стороны баррикад. Наличие на территории Японии американских военных баз автоматически относит эту страну к категории источников «потенциальной военной угрозы». В посткрымский период Москва стала проявлять гораздо более негативную, чем это было ранее, реакцию на любые совместные действия США и Японии в сфере военной безопасности, которые даже потенциально могут быть направлены против России. Например, Москва резко выступила против принятого в 2017 г. решения о размещении на территории Японии систем ПРО «Иджис ашор», официально направленных против КНДР, но имеющих более широкий потенциал использования, в том числе против китайских и российских ракет. В январе 2020 г. министр иностранных дел С.В. Лавров заявил о том, что размещение «Иджисов», которые могут использоваться запуском ударных крылатых ракет, создаёт «возможность для ударных вооружений вблизи наших границ»⁵. Другой пример подобного рода – позиция России относительно передачи Японии островов Шикотан и Хабомаи в соответствии с п. 9 Совместной декларации 1956 г.: Москва увязывает выполнение этого обязательства с гарантиями неразмещения на передаваемых территориях американских военных объектов. Иными словами, союзные отношения Японии с Америкой в глазах Москвы представляются как имеющие антироссийскую направленность и потому как серьёзное препятствие на пути к развитию с ней политических отношений.

Вместе с тем развитие геостратегической и военной ситуации в регионе в пользу Китая, усиление внешнеэкономической зависимости России от китайского рынка и возникновение на этом фоне риска превращения в «младшего партнёра» КНР заставляет Москву предпринимать усилия к построению более сбалансированной дипломатии в Восточной Азии. Россия вынуждена учиты-

⁴ Лавров назвал деструктивной концепцию США в Индо-Тихоокеанском регионе. *РИА Новости*. 13.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200113/1563383094.html> (accessed 23.04.2020).

⁵ Россия учёт размещение вооружений США в Японии, заявил Лавров. *РИА Новости*. 17.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200117/1563533566.html> (accessed 23.04.2020).

вать, что важнейшие её азиатские партнёры, включая не только Японию, но и Индию и Вьетнам, озабочены усилением напористости внешнеполитической линии КНР. В этих условиях Россия проявляет подчеркнутую сдержанность и нейтралитет по всем потенциально конфликтным вопросам отношений Китая с его восточноазиатскими соседями, и прежде всего по территориальным спорам в ЮКМ и ВКМ. Сильные отношения с эти странами, и Японией в том числе, выступают для Москвы важным внешнеполитическим ресурсом, позволяющим ей расширить пространство для дипломатического манёвра в диалоге с Китаем и более эффективно отстаивать свои интересы на восточном направлении.

Японию видят в Москве и как наименее «антироссийскую» державу среди стран «Большой семёрки». Российские официальные лица воздерживаются от критики Японии за её присоединение к санкциям, а сами японские санкции, наиболее мягкие среди партнёров по «Семёрке», справедливо рассматриваются, скорее, в качестве символического шага, принятого, скорее, под внешним давлением, чем как её сознательная «антироссийская» позиция.

В 2014-2016 гг., т.е. сразу после украинского кризиса, дополнительная значимость отношений с Токио в глазах Москвы заключалась в его возможной роли как «мостика», посредника в деле восстановления испорченных отношений со странами Запада. Однако с 2016 г. ситуация стала меняться. Приход к власти в США администрации Трампа, активизация диалога с Западом по сирийскому вопросу, укрепление связей с Францией и восстановление прав российской делегации в ПАСЕ в 2019 г., иные подвижки, дающие основания говорить о завершении периода жёсткой дипломатической изоляции Москвы, – всё это в значительной степени деактуализировало подобный взгляд на Японию. Тем не менее, поскольку интенсивный политический диалог с Токио на высшем уровне не прекращался даже в моменты наиболее яростной «антироссийской истерии» со стороны Запада, а Япония стала первой после 2014 г. страной «Семёрки», куда В.В. Путин в декабре 2016 г. совершил зарубежный государственный визит, в России, очевидно, ценят политическую «лояльность» Японии достаточно высоко. Свою роль играет и то обстоятельство, что Токио никогда не пытался в диалоге с Москвой выступать проводником западных демократических ценностей или морализаторствовать по поводу нарушения прав человека, а потому является в глазах российского руководства одной наиболее приемлемых для себя в психологическом отношении стран Запада. Кроме того, в Москве учитывают особый статус Японии среди стран «Семёрки» и с учётом непредсказуемости ситуации в её отношениях с Западом, например, на случай, если в результате президентских выборов 2020 г. к власти в США придёт более «антироссийский» президент.

Экономические факторы

Россия по-прежнему рассматривается в Японии в качестве неприоритетного, но достаточно важного партнёра, стабильные отношения с которым позволят ей решить задачу диверсификации источников поставок энергоресурсов –

одну из ключевых для экономической безопасности страны. В настоящее время на Ближний Восток приходится почти 90% импортируемой Японией нефти (88% в 2018 г.) и более 20% природного газа⁶. Токио признаёт, что поставки энергоресурсов с российского Дальнего Востока более безопасны, поскольку они связаны в основном с сухопутными маршрутами и не проходят через опасные с точки зрения угрозы пиратства или международных конфликтов транспортные артерии (например, Малаккский пролив). Кроме того, российские поставки требуют существенно меньше времени (примерно на две недели меньше, чем с Ближнего Востока), что немаловажно с той точки зрения, что Япония с их помощью может лучше адаптироваться к краткосрочным колебаниям спроса⁷. Что касается России, то и для неё большую выгоду представляет диверсификация поставок углеводородного сырья в условиях переориентации всей системы внешнеэкономических связей с Запада на Восток, а также диверсификация в рамках региона, где основным потребителем становится Китай (Тимонина 2016: 26).

Однако в целом на Россию по-прежнему пока приходится относительно небольшая часть общего импорта энергоносителей Японии. Доля России в японском импорте сырой нефти составляет около 5% (5,8% в ноябре 2019 г.)⁸. Россия является четвёртым по значимости поставщиком СПГ в Японию (8% потребностей) после Австралии (35%), Малайзии (13%) и Катара (12%) (данные 2018 г.)⁹.

Очевидно, Япония не собирается существенно расширять эту долю, предполагая закрепить за Россией такую часть, которая в случае чрезвычайных обстоятельств может быть компенсирована за счёт прочих источников. Ограничителем для энергетического сотрудничества с Россией выступает и отсутствие в Японии влиятельного пророссийского лобби и наличие там мощных проамериканских групп давления, настроенных антироссийски. Эти группы выступают за отказ от каких-либо инвестиций в российские проекты освоения нефтегазовых месторождений, мотивируя это в числе прочего тем, что такие проекты не имеют достаточного экономического обоснования и продвигаются Москвой в основном из политических соображений (например, в целях расширения экспортного потенциала страны), и что эти проекты наносят ущерб японо-американскому сотрудничеству в газовой сфере, например, в деле освоения новых газовых рынков в третьих странах¹⁰ (Itoh 2018: 42).

⁶ Нихон-но энэруги гайко (Энергетическая дипломатия Японии). *Нихон гаймусё (МИД Японии)*. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000036023.pdf> (accessed 23.04.2020).

⁷ Lindgren W. 2015. Energizing Russia's Pivot: Japan-Russia energy relations, post-Fukushima and post-Ukraine. *NUPJ Policy Briefs*. 4. 4 p. URL: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/188197> (accessed 23.04.2020).

⁸ Import of Crude Oil by Source. *Ministry of Economy, Trade and Industry* (accessed 23.04.2020). URL: <https://www.meti.go.jp/statistics/tyo/sekiyuso/result/pdf/h2j581011e.pdf> (accessed 23.04.2020).

⁹ Нихон-но энэруги гайко (Энергетическая дипломатия Японии). *Нихон гаймусё (МИД Японии)*. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000036023.pdf> (accessed 23.04.2020).

¹⁰ Itoh S. 2018. Japan's Opaque Energy Policy toward Russia: Is Abe Being Trumped by Putin? The emerging Russia-Asia energy nexus. *NBR Special Report No. 74*. P. 33-42. URL: <https://www.nbr.org/publication/the-emerging-russia-asia-energy-nexus/> (accessed 23.04.2020).

Политические соображения, а именно – восприятие России в качестве страны высоких политических рисков, – является главной причиной, по которой Япония отвергает идею строительства газопровода, который бы связал её территорию с сахалинскими месторождениями, откуда она получает СПГ. Хотя подобный газопровод имеет высокую экономическую привлекательность и существенно удешевил бы стоимость получаемого газа, в Токио предпочитают полагаться на более «проверенных» в политическом отношении партнёров.

Вместе с тем, действуя в русле политики диверсификации, Япония проводит стратегическую линию на расширение участия в проектах по освоению газовых месторождений на Сахалине и на российском шельфе Арктики. Подтверждением этому стало подписание в июне 2019 г. соглашения о покупке *Japan Arctic LNG B.V.* (консорциум *Mitsui & Co* и Японской национальной корпорации по нефти, газу и металлам *JOGMEC*) 10% пакета акций стоимостью более 2 млрд долл. США в проекте «Арктик СПГ – 2»¹¹. Общий объём производства, как ожидается, составит 19,8 млн т. СПГ в год, а первую производственную линию предполагается запустить уже в 2023 г.¹² В декабре 2019 г. Министерство экономики и промышленности Японии и концерн «Итогю сёдзи» договорились об участии «Консорциума по развитию нефтедобычи на Сахалине» (объединившего целый ряд японских компаний) в новом проекте по строительству завода по сжижению природного газа стоимостью в 9,1 млрд долл. Речь идёт о строительстве завода по производству СПГ мощностью в 6,2 млн т. СПГ в год на российском Дальнем Востоке. Согласно инвестиционным планам, проект обеспечит около 10% потребностей Японии в природном газе. Окончательное решение об инвестициях в новый проект, как ожидается, будет принято в 2021 г., а первые поставки начнутся в 2027 г.¹³

Экономическое взаимодействие двух стран не ограничивается энергетической сферой. В рамках предложенного в мае 2016 г. японским премьером плана сотрудничества по восьми направлениям развивается около 100 взаимовыгодных совместных инициатив. Отдельного упоминания заслуживает сфера транспорта, где используется российский транзитный потенциал для перевозок японских грузов, поставляемых в Европу. Например, в 2019 г. страны приступили к тестовым контейнерным перевозкам по Транссибу, что дает Японии надежду нарастить объёмы поставок грузов, направляемых в Европу. Однако стороны демонстрируют различия в подходах к инвестиционному сотрудничеству: если Россия делает упор на мегапроекты в сфере инфраструктуры, Япония – на со-

¹¹ Участники проекта «Арктик СПГ – 2» приняли окончательное инвестрешение. *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/vef2019/675185> (accessed 23.04.2020).

¹² Принято окончательное инвестиционное решение по проекту «Арктик СПГ 2». *Новатек*. URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3405 (accessed 23.04.2020).

¹³ Сжиженный природный газ «Сахалина – 1» придет японским потребителям в 2027 г. *Нефтянка*. URL: <http://neftianka.ru/szhizhennyj-prirodnyj-gaz-saxalina-1-privet-yaponskim-potrebitelyam-v-2027-g/> (accessed 23.04.2020).

циально значимые проекты, улучшающие её имидж в России и способствующие достижению цели подписанию мирного договора.

Внутриполитические факторы

Немалую роль в отношениях России и Японии играет личностная дипломатия политических лидеров. Тесные личные взаимоотношения Абэ и Путина, их частые встречи способствуют укреплению межгосударственных отношений в том смысле, что это создаёт соответствующую психологическую атмосферу в обществе и формирует благоприятный имидж страны-партнёра. Большую роль играет личное доверие лидеров друг к другу, а также их высокая популярность среди населения.

Для С. Абэ больше значение имеет личная мотивация, а именно – стремление оставить свой след в истории как успешного государственного деятеля, добившегося возвращения хотя бы части территориальных потерь периода Второй мировой войны. Кроме того, для Абэ сильные отношения с Россией – дань семейной традиции: его отец был с японской стороны инициатором возобновления политического диалога между двумя странами в период перестройки. В этом мотивы С. Абэ сходны с целями В.В. Путина, который хотел бы оставить о себе память в истории как политический лидер России, урегулировавший линию границы с большинством стран-соседей.

Нынешних президента РФ и премьер-министра Японии отличает высокий уровень взаимного доверия. Абэ неоднократно называл Путина своим другом, а Путин характеризовал японского премьера как надёжного и честного партнёра, с которым он готов достичь согласия по ключевым вопросам взаимоотношений (Севостьянов 2018: 55). Хорошая «личная химия» позволила им нарастить личные контакты, общее число которых составило к январю 2020 г. двадцать семь. Частые встречи обеспечили возможности для откровенного диалога по любым, даже самым сложным проблемам двусторонних отношений.

Немаловажно для двусторонних отношений и то, что оба лидера имеют большую поддержку в своих странах. Эта поддержка предоставляет им дополнительный политический ресурс для решения болезненной пограничной проблемы – они имеют больше манёвра для принятия политических решений, в том числе и сопряжённых с болезненными для своего имиджа и непопулярными в обществе уступками.

Вместе с тем достаточно заметно проявляют себя на японском внутриполитическом поле и неблагоприятные для двусторонних отношений факторы. К их числу следует отнести слабость политических группировок, имеющих за своей спиной поддержку влиятельных корпораций, которые бы лоббировали приоритетное развитие отношений с Россией. В свою очередь, критика правительства и его главы за «недостаточную жёсткость» в решении проблемы «северных территорий» является для многих политиков беспроигрышным ходом с точки зре-

ния получения дополнительных баллов рейтинга поддержки среди избирателей. Представители оппозиционной Конституционно-демократической партии нередко выступают в парламенте с критикой в адрес Абэ в связи с тем, что тот проводит по отношению к России дипломатию «преклонения колен»¹⁴, и что за многие годы японскому лидеру так и не удалось добиться от Москвы сколько-нибудь значимых уступок. Абэ вынужден также учитывать мнение внутривнутрипартийных фракций собственной партии, от поддержки которых он зависит, что не позволяет ему пойти слишком далеко, например, принять предложение Путина о немедленном заключении мирного договора (Нелидов 2019:73).

Негативно сказывается на двусторонних отношениях и отрицательное восприятие России в японском обществе, которое создаёт для отношений с ней неблагоприятный психологический климат. На протяжении нескольких десятилетий, ещё с периода СССР, Россия является одной из наименее популярных стран в Японии – в ходе опросов общественного мнения положительное отношение к ней демонстрируют лишь около 20% респондентов. При этом изменения политической конъюнктуры оказывают мало воздействия на взгляды японцев. Например, доля тех, кто не чувствовал симпатии к России, увеличивалась в период кризиса в двусторонних отношениях 2010–2011 гг. с 79,6% до 82,9%, незначительно она изменилась и в период крымских событий – с 74,7% до 79,3% (Чугров 2016: 22). Представления об СССР в японском обществе по-прежнему основаны на сформированных СМИ и системой образования стереотипах о «вероломности» действий СССР, нарушившего в августе 1945 г. Пакт о нейтралитете, о несправедливости российской военной оккупации Южных Курил и о том, что Россия, выйдя из советского периода, сохранила в себе худшие черты СССР, что это «советское», красное, недемократическое и чуждое Японии по духу государство. Для большинства японцев возвращение «северных территорий» имеет больше символическое значение как вопрос национального престижа, а борьба за эту благую цель давно уже стала частью национальной идентичности.

Вместе с тем стоит признать и то, что в общественном мнении Японии появляются позитивные подвижки, дающие основания для оптимизма. Во-первых, отношение к России существенно лучше среди более молодых японцев: в 2017 г., по данным опроса *Pew Research Center*, к ней доброжелательно к ней относились 53% опрошенных к возрасту 18-29 лет, по сравнению с 16% респондентов в возрасте старше 50 лет¹⁵. Во-вторых, негативный образ России понемногу затмевается враждебным образом Китая. Однако эти изменения ещё не носят решающего характера. Нельзя не признать, что внутривнутриполитическая ситуация в

¹⁴ PM Abe avoids describing Russian-held Northern Territories as inherently Japanese. *The Mainichi*. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c> (accessed 23.04.2020).

¹⁵ Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia. *Pew Research Center*. August 17, 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/> (accessed 23.04.2020).

Японии не является значимым фактором в пользу развития связей с Россией, за исключением того факта, что премьер-министр страны лично патронирует это направление её внешней политики.

Что касается России, внутривнутриполитические условия для развития отношений с Японией достаточно противоречивы. В российском общественном мнении преобладает в целом позитивный образ Японии (Чугров 2016: 7-18). С одной стороны, Япония имеет высокий авторитет как страна великой культуры, как технологическая сверхдержава и родина многих милых сердцу россиян брендов потребительской продукции. У россиян нет негативных чувств к Японии и по поводу нерешённых проблем исторического прошлого. Однако на уровне как рядовых граждан, так и политического истеблишмента России преобладают устойчивые стереотипы в отношении Японии – что она является «сателлитом» США и не имеет самостоятельной внешней политики, что её участие в мировых делах ограничено и потому она может быть для России только неприоритетным партнёром. Кроме того, выдвигая к России территориальные претензии, Япония выступает в глазах многих россиян в качестве «ревизионистской» державы, не желающей признавать очевидные итоги Второй мировой войны. Следует учесть и то, что в силу слабого развития торгово-экономических отношений с Японией в России фактически отсутствуют политические «группы давления», заинтересованные в приоритетном развитии отношений с этой страной.

Дальнейшее развитие двусторонних отношений

Между Россией и Японией имеется обширная сфера общих интересов в международно-политической сфере, могущая стать основой для дальнейшего диалога. Обе страны в должной мере понимают недостаточность и хрупкость сложившихся в Восточной Азии механизмов обеспечения международной безопасности. Москва и Токио заинтересованы в решении ядерной проблемы Корейского полуострова и в укреплении там режима нераспространения, в ослаблении международной напряжённости в связи с территориальными конфликтами в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, совместной борьбе с терроризмом, преступностью и морским пиратством, координации усилий в противостоянии нетрадиционным угрозам.

Ещё в 2013 г. был запущен диалог в формате «2+2» (министров иностранных дел и обороны), призванный обеспечить обмен мнениями по насущным вопросам международной безопасности. Он стал площадкой для содействия «оттепели» в двусторонних отношениях в военно-политической сфере (Lindgren 2018: 8). В ходе прошедшей в конце мая 2019 г. в Токио встречи в рамках этого формата была продемонстрирована близость позиций по вопросам денуклеаризации Корейского полуострова. Налажены контакты и проводятся регулярные консультации между Советами безопасности двух стран. О том, какое значение российская сторона придаёт этим контактам, свидетельствует тот факт, что для

председателя СНБ Японии С. Китамура в ходе его визита в Россию 15 января 2020 г. была организована аудиенция с президентом В.В. Путиным. Регулярно проходят совместные ежегодные совместные учения по спасению на море, в январе 2020 г. прошли антипиратские учения двух стран в Аденском заливе с участием кораблей Балтийского флота.

Можно найти много общего и в подходах двух стран к многостороннему экономическому сотрудничеству в регионе, хотя имеются и разногласия. В Японии проявляют интерес к продвигаемому Москвой проекту Большой Евразии и интеграции с ЕАЭС, хотя до обсуждения практических проектов участия Японии в инициативе дело пока не дошло. В свою очередь, в России скептически относятся к продвигаемой Абэ концепции Индо-тихоокеанского региона, видя в ней прежде всего цель сдерживания Китая.

В интересах России – привлечь Японию к проектам социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока в качестве потенциального источника технологий и инвестиций по развитию этих регионов. Для России Япония могла бы выступить в качестве надёжного рынка сбыта российской экспортной продукции, и прежде всего энергоносителей. Диверсификация рынков сбыта имеет для России не только экономический, но и политический смысл, так как позволила бы ей избежать одностороннего крена в пользу Китая в своих внешнеэкономических связях на восточном направлении.

Для Японии Россия остаётся неключевым экономическим партнёром. Однако рост поставок СПГ с Дальнего Востока повышают роль России на японском рынке в среднесрочной и долгосрочной перспективе, особенно с учётом безопасного и короткого транспортного маршрута. Вопрос для России заключается в том, чтобы предложить достаточно конкурентоспособную цену и качество, чтобы конкурировать с поставщиками Японии на Ближнем Востоке, Австралией, Канадой и относительно дешёвым американским экспортом сланцевого газа.

Вместе с тем территориальный спор и отсутствие базового договора о двусторонних отношениях, по всей видимости, будут ещё долго служить препятствием на пути к сотрудничеству. Можно констатировать, что основной причиной отсутствия видимого прогресса в переговорах о мирном договоре является базовое отличие в подходах сторон к целям и задачам такого договора. Для Японии проблема «северных территорий» уже давно стала вопросом национального престижа, а её решение ассоциируется с обретением страной статуса «нормальной» державы, которая окончательно подвела итоги войны и преодолела негативное наследие милитаристского прошлого. Если японская сторона добивается того, чтобы с помощью мирного договора возратить хотя бы часть утраченных в ходе Второй мировой войны территорий, то для России важнее признание Японией законности российского владения Курильскими островами и предоставление гарантий ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов (Панов 2019: 91).

Однако в целом между сторонами имеется взаимопонимание, что данный договор при всех различиях сторон в подходах необходим для подведения правовой основы под двусторонние отношения с целью их позитивного развития на годы вперед, укрепления гарантий безопасности во всей Северо-Восточной Азии. Именно этим объясняется выдвинутое В.В. Путиным в сентябре 2018 г. предложение заключить мирный договор «без всяких условий», а уже потом двигаться к решению проблемы пограничного размежевания.

Что касается вопроса пограничного урегулирования, Москва полагает, что решать его необходимо на основе Декларации 1956 г., в которой говорится о передаче Японии островов Шикотан и Хабомаи после подписания мирного договора. Следует учесть, что, подписывая эту декларацию, СССР исходил из того, что главным условием для передачи островов должно быть построение между двумя странами отношений дружбы, добрососедства и взаимного доверия, без которых мирный договор теряет свой смысл. И Россия как его правопреемница в полной мере разделяет этот подход и сегодня. Однако поскольку Япония укрепляет сотрудничество в области безопасности с Соединёнными Штатами, которые официально относят Россию в категорию своих военных противников, и предоставляет свою территорию для американских военных баз, Москва считает это условие выполненным не в полной мере. В этих условиях переговоры по мирному договору продолжают буксовать, несмотря на заверения лидеров двух стран о необходимости его подписания.

В 2018-2020 гг. стороны неоднократно обсуждали такую возможность и решения проблемы границы на условиях Декларации 1956 г. Однако Москва устали министра иностранных дел С.В. Лаврова в качестве условия для подписания договора считает необходимым, чтобы Япония официально признала итоги Второй мировой войны, в частности, переход Курильских островов под юрисдикцию СССР. Для Японии, судя по всему, это неприемлемо, так как подрывало бы её базовую позицию по вопросу Южных Курил.

Нельзя не согласиться с российским исследователем О.И. Казаковым, что даже сильные лидеры двух стран «не способны перешагнуть черту, проведённую не столько Второй мировой войной, сколько “наследием прошлого” в виде разного политического и исторического толкования её итогов в каждой из стран» (Казаков 2019: 43).

В связи с наметившимся в 2019 г. кризисом в переговорах по мирному договору, необходимо искать выход из дипломатического тупика. Что можно было бы сделать в этом направлении? Во-первых, целесообразно было бы на первом этапе вести дело к заключению базового договора об основах взаимоотношений, который был бы «отвязан» от мирного договора. Подобный договор стал бы наилучшим форматом сохранения лица для обеих сторон: их базовые позиции в этом смысле бы ничуть не пострадали, более того, он открыл бы дорогу для более тесных доверительных отношений, а значит и для дальнейшего диалога по вопросу о границе. Судя по всему, именно в этом направлении

сейчас пошёл диалог. По сообщению газеты «Майнити», стороны обсуждают возможность подписания предварительного соглашения, по которому японская сторона даст России необходимые заверения в том, что американское военное присутствие в Японии не будет представлять угрозы России¹⁶. Подписание базового договора об основах двусторонних отношений стало бы гарантией того, что эти отношения не ухудшатся даже после ухода Абэ с поста премьер-министра.

Во-вторых, обеим странам можно было бы скорректировать взаимную дипломатию, не нанося ущерба собственным интересам.

Так, Россия могла бы перестать критиковать в различных контекстах Японию за её политику в сфере безопасности, привнося вопрос с американским военным присутствием в повестку дня двусторонних переговоров или акцентируя потенциально «антироссийский» характер её сотрудничества с США в сфере военной безопасности, включая проблему размещаемых в Японии систем ПРО. Ясно, что Япония на обозримую перспективу не откажется ни от союза с Америкой, ни от американского военного присутствия на своей территории, ни от размещения на своей территории новых вооружений для противостояния усиливающимся угрозам национальной безопасности. Принятие Москвой политических решений в отношении Японии, основываясь главным образом на её особых связях с Америкой в области безопасности, как представляется, сужает возможности для двустороннего сотрудничества.

Возможно, стоит скорректировать позицию и в отношении японской инициативы в области качественной инфраструктуры, которую Токио активно продвигает в русле выдвинутой С. Абэ концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹⁷. Сейчас Москва видит в японской инициативе главным образом инструмент для сохранения американского господства в регионе и сдерживания Китая. Однако по сути это прежде всего антигегемонистский проект, главная цель которого – сохранить в регионе международный порядок, который был бы основан на правилах и работал на благо всех, а не только сильнейших государств региона. К тому же, по мнению профессора университета Темпл Дж. Брауна, Россия могла бы выиграть от его реализации – российский интерес к японской инициативе способствовал бы привлечению японских инвестиций на российский Дальний Восток¹⁸.

¹⁶ По Хэйва дзэяку-дэ бунсёка ёкю «Дзайнити бэйгун кёи хайдзё» тэян ка (Предложения России зафиксировать в мирном договоре отсутствие для нее угрозы со стороны американских баз, размещённых на территории Японии). *Майнити сумбун*. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200114/ddm/002/030/080000c> (accessed 23.04.2020). (на японском языке)

¹⁷ Towards Free and Open Indo-Pacific. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000407643.pdf> (accessed 23.04.2020).

¹⁸ Браун Дж. «Пояс и Путь» по-японски. Что дает России конкуренция проектов Японии и Китая в Азии. 11.07. 2019. *Carnegie Moscow center*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79481> (accessed 23.04.2020).

Со своей стороны Япония могла бы принять ряд стратегических решений на российском направлении, которые были бы встроены в её стратегию по диверсификации источников сырья и материалов, развитию перспективных транспортных коридоров с Европой. Эти решения можно было бы озвучить в программном выступлении премьер-министра – тогда они стали бы сигналом для бюрократии в направлении их реализации. Кроме того, Токио мог бы перестать рассматривать вопрос мирного договора в качестве главного и основного в отношениях с Россией. Это позволило бы нашим странам «отвязать» двусторонние отношения от столь деликатной сферы, какой является сфера пограничного размежевания, и сосредоточиться на их позитивной повестке.

Об авторе:

Дмитрий Викторович Стрельцов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено по гранту РНФ № 19-18-00142 "Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)"

Received: December 20, 2019

Accepted: April 15, 2020

Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors

D.V. Streltsov

DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-68-85

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The article analyzes long-term external and internal factors determining the course of development of Russian-Japanese relations in 2019-2020. On the one hand, the anti-Russian component in Tokyo's foreign policy is shaped by its membership in the Security Treaty with the United States and its solidarity with the sanctions policy of the Group of Seven towards Russia. On the other hand, Japan and Russia are both interested in political cooperation in creating multilateral dialog mechanisms of international security in East Asia, resolving the nuclear issue on the Korean Peninsula, and easing tensions around territorial disputes in the East China and South China seas. Among the economic factors, the author focuses on the significant place of Russia in the context of Japan's task of diver-

sifying sources of external energy supplies, as well as on Russia's desire to avoid unilateral dependence on the Chinese market while reorienting the system of foreign economic relations from the West to the East. Personal diplomacy of political leaders plays a significant role in relations between Russia and Japan, and, above all, close personal relationships and frequent meetings between Prime Minister Abe and President Putin, which make it possible to partially compensate the unfavorable image of the partner country in the public opinion of both Russia and Japan. Against the background of a deadlock in the Peace Treaty talks which emerged in 2019, the search for a way out of the diplomatic impasse is on the agenda. In the author's opinion, it would be appropriate at the first stage to proceed to the conclusion of a basic agreement on the basis bilateral relations, which would be "untied" from the Peace Treaty. In addition, Russia could stop criticizing Japan for its security policy and show greater understanding of the Japanese initiative in the field of quality infrastructure. In turn, Japan could take a number of strategic decisions on cooperation with Russia and announce them in the Prime Minister's keynote speech. In addition, Tokyo could stop positioning the issue of the peace Treaty as the main issue in relations with Russia, which would allow our countries to "untie" bilateral relations from the problem of border demarcation and focus on their positive agenda.

Key words: Russian-Japanese relations, Security Treaty, the US military presence, the rise of China, personal diplomacy, the image of the country, Peace Treaty, the concept of "free and open Indo-Pacific region", results of World War II

About the author:

Dmitry V. Streltsov – Doctor of History, Head of the Department of Oriental Studies of the Moscow State Institute of international relations (MGIMO), Russia, 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo 76. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements: Research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00142 "Multifactor analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)"

References:

Brown J. 2018. Japan's security cooperation with Russia: neutralizing the threat of a China–Russia united front. *International Affairs*. 94(4). P. 861–882. DOI: 10.1093/ia/iyy031.

Izumikawa Y. 2016. Japan's Approach to Russia under Shinzo Abe: A Strategic Perspective. *Japan-Russia Relations: Implications for the U.S.-Japan Alliance*. Ed. by Gilbert Rozman. Washington: Sasakawa Peace Foundation USA. P. 61–70.

Lindgren W. 2018. New Dynamics in Japan – Russia Energy Relations 2011–2017. *Journal of Eurasian Studies*. 9(2). P. 152–162. DOI: 10.1016/j.euras.2018.06.002

Chugrov S.V. 2016. *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad' 33* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Working Paper 33]. Moscow: NPMP RIAC. 64 p. (In Russian)

Kazakov O. 2019. K voprosu ob aktivizacii rossijsko-japonskogo dialoga po territorial'noj probleme [On the Enhancing of Russian-Japanese Dialogue on Territorial Issue]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. P. 33–45. DOI: 10.31857/S013128120003920-3 (In Russian)

Nelidov V.V. 2019. Rossijsko-yaaponskie dvustoronnie otnosheniya: predely sblizheniya [Russian-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*. 2. P. 65–82. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012 (In Russian).

Panov A.N. 2019. Sovetsko-yaonskaya Sovmestnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nel'gkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a Difficult Path to Signing, a Hard Destiny after the Ratification]. *Yaaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*. 2. P. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012 (In Russian).

Sevast'yanov S. V., Lukin A. L., Shishmakov S.O. 2018. Diplomatiya Putina i Abe: perspektivy politicheskogo uregulirovaniya rossijsko-yaonskikh otnoshenii [Diplomacy of Putin and Abe: Prospects for Political Settlement of the Russian – Japanese Relations]. *Oriental Institute Journal*. 4. P. 54–67. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/54-67 (In Russian).

Timonina I.L. 2016. Rossiya – Japoniya: real'nyj potencial jekonomicheskogo vzaimodejstviya [Russia – Japan: Real Potential of Economic Cooperation]. *Yaaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*. 1. P. 20-31. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Чугров С.В. 2016. *Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33*. Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: Спецкнига. 56 с.

Нелидов В.В. 2019. Российско-японские двусторонние отношения: пределы. *Восточная Азия: факты и аналитика*. № 2. С. 65–82. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012

Севастьянов С. В., Лукин А. Л., Шишмаков С.О. 2018. Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений. *Известия Восточного института Восточного института*. № 4. С. 54–67. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/54-67.

Панов А.Н. 2019. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации. *Японские исследования*. №2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Казаков О.И. 2019. К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме. *Проблемы Дальнего Востока*. №1. С. 33-45. DOI: 10.31857/S013128120003920-3

Тимонина И.Л. 2016. Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия. *Японские исследования*. №1. С.20-31.